

СТРЕМИТЕЛЬНОЕ УВЕЛИЧЕНИЕ ФИКТИВНОЙ ЧАСТИ ФИНАНСОВОГО КАПИТАЛА И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Данилина С.А., к.э.н., доц.

Украина, Одесса, Одесский национальный экономический университет

В статье рассматриваются причины и последствия резкого увеличения фиктивной части финансового капитала.

Ключевые слова: финансовый капитал, фиктивный капитал, перенакопление капитала.

Постановка проблемы. Действующая модель рынка оказалась недостаточно эффективной, о чем свидетельствует современный экономический, финансовый и структурный кризис. Научная мысль по поводу ситуации, сложившейся в мировой экономике, разделилась на два противоположных направления. Одно из них, построенное на постулатах экономикс, нацелено на усовершенствование современного капитализма путем перехода к высшей стадии неолиберализма, а второе – считает подобный путь бесперспективным, а также обосновывает необходимость разработки новой парадигмы экономического развития мира.

Анализ последних исследований и публикаций. Анализу сущности глобализации, ее причин и последствий, характера кризисов в глобализационную эпоху, динамики финансового капитала посвящены исследования западных экономистов и общественных деятелей: Дж. Сакса, Дж. Сороса, Дж. Стиглица, П. Бергера, С. Хантингтона и др.

В исследованиях украинских экономистов А. Чухно, В. Гейца, П. Ещенко, М. Зверякова, А. Филипенко, Д. Лукьяненко и др. выясняется сущность, закономерности и движущие силы глобализации, характер участия в ней стран с переходной экономикой, взаимовлияние глобализации и экономических кризисов.

Целью статьи является исследование причин и последствий резкого увеличения фиктивной части финансового капитала.

Основные результаты исследования. В XXI в. наука пополнилась многими новыми терминами, в том числе «bubbleeconomics», который характеризует качественные изменения в развитии общества и в котором производственные отношения перемещают акцент с производства на перераспределение экономических ресурсов и мирового потенциала в пользу

мировой олигархической элиты. Этот термин достаточно полно и точно отражает сущность тех трансформаций, которые произошли в экономиках США и стран «золотого миллиарда» за последние 30 лет, когда экономика с появлением информационного сектора взяла курс на значительно опережающее и многократно превышающее по сравнению с экономикой производства повышение нормы прибыли. Bubbleeconomics отражает качественно новое явление общественно-экономической жизни, где основу производственных отношений составляет фиктивный, спекулятивный капитал, который превращает деньги и другие ценные бумаги в особые быстрорастущие операции, чья цель заключается в получении не базового актива, а прибыли от изменения цены [1, с.5].

Для такой модели экономики характерным становится уже не сфера реальной экономики и создание новых товаров и услуг, а перераспределение накопленной стоимости. Определяющая роль в данном процессе отведена финансовым институтам, которые превратили осуществляемые финансовые операции на первичные, а производство, реальную экономику – на вторичные. Для этого используются: деньги, ставшие товаром, который одни страны продают другим, получая доход от сеньоража; крипто валюты, цель которых сводится к глобализации мира путем снижения локальных эмиссионных центров и валют государств, освобождения резидентов от уплаты налогов; валютные инструменты – свопы и деривативы, по сути, являющиеся фиктивным товаром, который продается банками доверительным компаниям и друг другу за деньги. Эта модель направлена на иррациональное производство, которое увеличивает объемы и долю в ВВП сферы услуг в виде игорного бизнеса, массовой культуры и т.п., продуцируя тем самым иррациональное потребление. Она способствует углублению социально-экономического неравенства между странами, перераспределяя природные и воспроизводимые мировые ресурсы в пользу глобальных монополистов. Такая модель экономики направлена на растущий разрыв между богатыми людьми мира и остальным населением Земли [2].

Социально-экономический кризис, начавшийся в 2008 году в США и быстро распространившийся в глобальных масштабах, стал переломным моментом в развитии пятого большого цикла М. Кондратьева. Мировая экономика окончательно вошла в понижающую волну большого цикла. По силе разрушительного воздействия на экономику кризис 2008-2009 гг. часто сравнивают с Великой депрессией. Однако сопоставление показателей, характеризующих глубину падения экономики США в обоих этих случаях, свидетельствует о том, что современный кризис является более слабым. В 1929-1933 гг. падение промышленного производства в США составило 56%,

экспорт сократился на 80%, индекс Доу-Джонса поднялся за 1924-1929 гг. на 300%, а в 1932 г. упал на 89%. В 2009 г. мировой ВВП уменьшился на 0,6%, в том числе в США – на 3,1% и в странах ЕС – на 4,2%. Уровень безработицы в США в период развития Великой депрессии вырос с 3,2% в 1929 г. до 25% в 1933 г., что превышает аналогичный показатель в 2009 г. [3,с.6]

В отличие от мирового кризиса 1929-1933 гг., сегодня, кроме западноевропейских стран и США, существуют также другие страны, чьи экономики способны стать точками роста для выхода на повышающую волну большого цикла. Эти экономики имеют сырьевой потенциал, мощные человеческие ресурсы, научно-технический потенциал и способны быстро освоить те передовые технологии, которыми еще не обладают. Процессы финансовализации в этих странах развиваются не так бурно, как в странах с более развитой финансовой инфраструктурой – речь идет о странах БРИКС. Кроме того, эти страны (за исключением ЮАР) в 2007 г. имели достаточно сильный платежный баланс, чтобы противостоять надвигающемуся глобальному экономическому кризису.

Сценарий развития кризиса 2008-2009 гг. обнаруживает яркие характеристики жюглярского типа цикличности: бурный, неконтролируемый рост; перегрев экономики, который ведет к повышению цен на ресурсы; финансовые спекуляции; внезапный глубокий обвал экономики переходит в длительный период восстановления. В канун кризиса 2008 г. значительно выросли цены на мировых сырьевых рынках, и особенно – цены на нефть. Современному кризису предшествовал период неолиберального бума, что, в свою очередь, привело к нарастанию финансовых спекуляций, а кредиты стали доступными для широких слоев населения без надлежащей проверки их платежеспособности.

Предпосылки для углубления финансовализации мировой экономики начали формироваться еще в 1970-е годы. Начало пятой технологической революции (1971 г.) совпало с коренными трансформациями в деятельности финансовых институтов, инициированными прекращением действия Бреттон-Вудской системы фиксированных курсов, которая сдерживала свободное перемещение капиталов. Введение плавающих курсов валют обусловило потребность в хеджировании валютных рисков. С 1972 г. начинается торговля валютными фьючерсами на Чикагской товарной бирже. Параллельно представители Чикагского университета создают теоретическую основу для торговли рисками, что на практике вылилось в создание в 1973 г. Чикагской опционной биржи. Секьюритизация тоже возникла в 1970-е годы. Бурное развитие внебиржевых финансовых инструментов (например, кредитных дефолтных свопов, операции с

которыми фактически не регулировались и не учитывались в банковских балансах) было и является важным фактором, способствующим разворачиванию современного социально-экономического кризиса. Объем этих операций, позволявших избежать резервирования, очень быстро увеличивался и в конце 2008 г. превысил мировой ВВП. В 1980 г. финансовая глубина мировой экономики по показателю, характеризующему отношение стоимости глобальных финансовых активов к ВВП, составляла 103%, а в 2008 г. – 292%; показатель финансовой глубины, характеризующий отношение стоимости внебиржевых деривативов к ВВП, вырос с 297% в 2000 г. до 899% в 2008 г. [4, с.10]

Такие «деньги» создают прибыль, которая является результатом перепроизводства денежной массы, кредитных операций, спекулятивных инвестиций в ценные бумаги. Причем такая прибыль растет опережающими темпами по сравнению с прибылью, полученной в реальном секторе экономики. Если в 1970-х годах финансовые подразделения производственных корпораций США создавали не более 15% от их общей прибыли, то сегодня они обеспечивают своим корпорациям уже почти 50% этого показателя. Характерной чертой такой модели становится создание на базе триады промышленного, торгового и банковского капиталов только фиктивной части финансового капитала, которая сосредотачивается преимущественно на фондовом рынке и в основном в виде ценных бумаг. Сегодня эти виртуальные квазирыночные инструменты оцениваются примерно в 1,2 квадриллиона дол., то есть в 1200 трлн. дол., что в 16,7 раза превышает валовой мировой продукт, который составляет 71,83 трлн. дол. Стоимость деривативов в 6 раз превышает стоимость общего мирового богатства, которое включает все рынки акций, страховые фонды, семейное благосостояние и оценивается сегодня примерно в 200 трлн. дол. При этом 90% всех операций с деривативами осуществляют 4 крупнейших банка [2].

Кроме банков, покупкой ценных бумаг, других финансовых и нефинансовых активов по минимальной цене с целью их перепродажи по завышенным ценам занимаются различные фонды и компании, которые получили название «финансовых стервятников». Такое название закрепилось за ними потому, что их прибыль является следствием незаконных манипуляций с бумагами и их эмитентами, которыми могут стать как компании, так и государство. Деятельность таких фондов осуществляется через специально разработанную «финансовую инженерию», которая включает в себя различные рычаги – от манипулирования ценами, когда определенный актив покупается по минимальной цене, до дефолта, но основным инструментом остается слияние и поглощение. К бизнесу таких

компаний привлечена значительная часть американской экономики. Согласно докладу МВФ и Всемирного банка, их жертвами стали как минимум 11 развивающихся стран [5, с.113].

Глубинной причиной современного социально-экономического кризиса, как и всех предыдущих, является перенакопленный капитал. Особенностью повышательной волны пятого большого цикла М. Кондратьева стало то, что политика дерегулирования финансового рынка и появления новых информационно-коммуникационных технологий способствовала развитию новых финансовых технологий, способствующих раздуванию финансовых пузырей. Именно к этой сфере следовал перенакопленный капитал, что позволило отсрочить кризис, проявившийся уже в 2001-2002 гг. Новым полем деятельности для перенакопленного капитала становятся финансовые рынки, где он может прирастать без процесса производства. Даже после глубокого кризиса 2008-2009 гг. этот процесс не приостановился. В 2011 г. объемы торговли финансовыми деривативами более чем в 11 раз превышали мировой ВВП [6, с.39]. За последние 30 лет в мире создана финансовая пирамида, для обслуживания которой необходима значительная ликвидность. Центральные банки активно осуществляли эмиссию, особенно в период 2009-2011 гг. Во многих развитых странах денежная масса превысила ВВП.

Согласно оценкам МВФ, сегодня мировые государства примерно 64% своих золотовалютных резервов держат в долларах США и около 27% – в евро. При этом на британский фунт стерлингов приходится, соответственно, менее 5% активов, на японскую йену – около 3% и на швейцарский франк – примерно 0,5%. Выбор в пользу лишь нескольких валют не является случайным. Ведь они не гарантированы золотом и серебром и не обеспечивают достаточной стабильности, поскольку рыночная экономика постоянно подвергается кризисам перепроизводства. Действующая нефтедолларовая система превратила американскую валюту в постоянный рентный доход, размер которого не следует недооценивать. Достаточно представить, что в апреле 2013 г. средний ежедневный объем операций торгов американской валюты составил примерно 4 трлн. 700 млрд. дол. [7]

В последнее время быстро растут различные крипто валюты, созданные для взаиморасчетов через Интернет. Например, биткойн, введенный в обращение в 2009 году. Он не эмитируется ни одним центральным банком, а генерируется специальными компьютерными сетями по определенным правилам, то есть электронной валютой и системой электронных платежей. Спрос на такую валюту стремительно растет, 19 ноября 2013 г. обменный курс этой валюты на ведущей японской бирже достиг 900 дол. за 1 биткойн, а

на китайской бирже – 1100 дол., по оценкам экспертов рыночная капитализация всего объема такой валюты в обращении возросла до 7,2 млрд. дол. [8]

Фиктивный капитал стал самым прибыльным и превратился в фактического властелина мира, способствуя образованию кучки стран «золотого миллиарда». Статистика свидетельствует, что эти страны, где проживает около 15% населения планеты, потребляют около 85% ресурсов, производимых во всем мире. США производит 20% мирового ВВП, а потребляет почти 45% мирового продукта [2]. За последние 50 лет доля обрабатывающей промышленности в ВВП США сократилась более чем вдвое (с 25% до 12%), при этом доля финансового сектора удвоилась (с 3,7% до 8,4%). За аналогичный период доля доходов в обрабатывающей промышленности США сократилась более чем на 2/3 (с 49% до 15%), а доля доходов финансового сектора в общей сумме доходов удвоилось (с 17% до 35%). Одновременно с этим, доля финансовых услуг в ВВП выросла в 2006 г. до 8,3% (4,9% – в 1980 г., 2,8% – в 1950 г.) [9, с.35].

Все это свидетельствует о реальной угрозе для мировой экономики и говорит о неуверенности в том, что хоть одна из современных экономических концепций способна преодолеть асимметричное перераспределение мирового богатства в пользу глобальной олигархической элиты, создав благоприятные условия для развития национальных экономик стран, которые не входят в «золотой миллиард», и самое главное – обеспечить стимулирование эндогенных, внутренних сил их саморазвития. Ведь в странах, где имеют место те или иные признаки экономического прогресса, они вызваны, в первую очередь, экзогенными, внешними факторами, прежде всего – экспансией иностранного капитала. Такая экономика вовсе не гарантирует свободу обмена основными факторами производства. Принцип эквивалентного обмена, как идея свободной экономики и невмешательства, характерный для автоматизированной системы частного хозяйства времен А. Смита, в другой ситуации является абсурдным. Действующая в мире либеральная доктрина превратила некоторые государства и общества в рантье.

Как следствие, свободные средства, которые потенциально должны выступать инвестиционным ресурсом, изымаются из реального сектора и оседают на некоторое время на счетах финансовых институтов, задачей которых является их аккумуляция, приумножение и дальнейшая трансформация в реальные инвестиции. Поэтому на первый план выходит уровень развития финансовой системы, а именно: чем более развита она, тем быстрее создается данный инвестиционный ресурс. Для таких экономических

систем, как отечественная, процесс трансформации проходит со значительным временным лагом – вследствие несовершенства институциональной среды функционирования, неразвитого фондового рынка. Это проявляется в низких темпах прироста кредитования экономики и изъятия инвестиционных ресурсов из реального сектора экономики по отношению к темпам прироста активов финансового сектора.

Падение реального производства, безусловно, негативно повлияет на доходную часть бюджета, что в условиях снижения экономической активности приведет к необходимости дополнительных привлечений в рамках финансирования бюджетного дефицита. Поэтому дефицитность государственных финансов стала неотъемлемым атрибутом современной финансово-экономической политики. Все чаще правительства современных экономик становятся зависимыми от международных финансовых институтов, и в этом проявляется финансиализации уже на глобальном уровне.

Снижается роль трудовых ресурсов в развитых экономических системах. Такая тенденция связана, прежде всего, с высокими темпами развития и использования инновационных технологий, что создает возможность за счет меньшего количества трудовых ресурсов обеспечивать совокупный потребительский спрос на товары и услуги. Как следствие, реальный сектор экономики привлекает в производство все меньше трудовых ресурсов, заменяя их машинным трудом. Поэтому индивид в виду наличия значительного количества финансовых инструментов, предлагаемых на финансовом рынке, переходит из статуса наемного работника в статус совладельца, получая доходы от участия в капитале в виде дивидендов, процентных доходов, роялти и т. д. Другая категория населения – это безработные в развитых странах мира, не желающие работать и находящиеся на полном социальном обеспечении государства, получая соответствующую помощь по безработице. Следствием таких процессов стало сокращение трудовых ресурсов, способных создавать прибавочный продукт реального сектора в условиях рецессии последнего и невозможности мгновенно перезапустить экономику с помощью финансового сектора.

Если взглянуть на исследованные вопросы с точки зрения экономики Украины, то найдем подтверждение этим явлениям. В частности, можно констатировать, что совокупные активы отечественного финансового сектора ежегодно увеличиваются, тогда как темпы экономического роста слабо коррелируют с их уверенным приростом. Например, более 90% активов отечественного финансового сектора приходятся на банковскую систему, которой должна принадлежать роль основного генератора кредитных

ресурсов. Однако, несмотря на рост активов банковского сектора, объемы кредитования экономики в конце 2013 г. уменьшились до 815 млрд. грн. Опять же, в условиях влияния процессов финансиализации актуализируется вопрос реальной стоимости активов отечественной банковской системы и их достаточности для финансирования реального сектора экономики Украины.

К тому же доминирование только банковского сектора в структуре отечественной финансовой системы говорит о ее низкой эффективности, т.к. страховые компании и негосударственные пенсионные фонды имеют способность к накоплению дополнительных объемов долгосрочных финансовых ресурсов для инвестирования на внутреннем рынке. Незначительные размеры рынков страхования и негосударственных пенсионных фондов – также одно из основных препятствий на пути развития финансовой системы Украины, потому что в развитых экономических системах спрос на этих институциональных инвесторов является неотъемлемой составляющей эффективного функционирования и развития фондового рынка.

Чрезмерное влияние процессов финансиализации на отечественную экономическую систему особенно проявляется в современный период кризиса, ведь в условиях чрезмерной зависимости экономики Украины от внешних рынков растет зависимость от международных финансовых институтов (в частности, МВФ), что только усиливает противоречия в экономическом развитии и негативно влияет на экономический рост.

Выводы. Без усиления контроля над движением капитала и более жесткой регламентации рынка мировую экономику будут сотрясать трудно прогнозируемые и глубокие финансовые кризисы, спровоцированные перемещением перенакопленного капитала и его авансированием в формирование очередного финансового пузыря. Объектом регулирования и контроля должны стать, прежде всего, налоговые гавани и мировые финансовые центры. На финансовых рынках оборачивается фиктивная стоимость, которая не воплощает в себе затрат общественно необходимого времени воспроизводства благ. Такие деньги не являются товаром и представляют фиктивную стоимость в обращении, искажая тем самым реализацию одного из важнейших экономических законов – закона стоимости.

Наполнение экономики ликвидностью во время экономических кризисов не должно оставаться без внимания международных финансовых институтов. Необходимо разработать четкие рекомендации по монетарной политике государства во всех странах, образующих эти финансовые институты. Решение по таким ключевым вопросам, как объемы эмиссии,

ввод денег в экономику, механизмы, направляющие деньги на поддержание эффективного спроса в экономике, инструменты контроля над эмиссионными и инвестиционными процессами, должны приниматься коллегиально.

Список литературы

1. Єщенко П.С. Світу потрібен новий вектор розвитку: від bubbleecono – до економіки людини // Економіка України. – 2014 – №6. – С.4-22.
2. Финансовое будущее мира 09.11.14 [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/95576/>
3. Королев И.С. Неопределенность мирового экономического развития // Мировая экономика и международные отношения. – 2013. - №4. – С.3-10.
4. Подлесна В.Г. Циклічність у розгортанні та подоланні економічних криз // Економіка України. – 2014. - №9. – С.4-18.
5. Евстигнеева Л., Евстигнеев Р. Метаморфозы финансового капитала // Вопросы экономики. – 2013. - №8. – С. 106-122.
6. Хейфец Б. Глобальные дисбалансы и реформа мировой валютно-финансовой системы // Деньги и кредит. – 2012. - №7. – С.37-45.
7. Глобальная агрессия и мифы экономического роста [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/67740>.
8. МВФ считает виртуальную валюту «биткойн» заслуживающей изучения 22.11.13 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.warandpeace.ru/ru/news/view/85542/>.
9. Лютий І.О., Мороз П.А. Суперечність процесів фінансіалізації та їх вплив на економічне зростання в Україні // Економіка України. – 2014. – №4. – С.29-39.

THE RAPID INCREASE IN THE ACTIVE PART OF FINANCIAL CAPITAL AND ITS IMPLICATIONS

Danilina S., Ph.D., Associate Professor

Ukraine, Odessa, Odessa National Economic University

This article discusses the causes and consequences of the dramatic increase in fictitious financial capital.

Keywords: financial capital, fictitious capital, over-accumulation of capital.